

многихъ языкъ отнимается при видѣ Толстого, какъ то даже не вѣрилъ въ это и мирно, не спѣша подвигался къ главному дому, правда, немного голодный, но бодрый и жизнерадостный.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣлаго двухъ-этажнаго дома, по правую сторону отъ аллеи, ведущей къ дому, раскинулись парники. Здѣсь возился садовникъ, поливая цвѣты. Я подошелъ, спросилъ у него воды и смыль грязь съ сапогъ. Въ графскомъ домѣ всѣ еще почивали. Мимо меня прошли два здоровыхъ молодца, въ сажень каждый ростомъ, и несли подъ руками здоровенныя, круглыя, красивыя, бѣлыя булки.

— Кто это?—спросилъ я садовника

— Это наши стражники,—сказалъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Зачѣмъ-же они здѣсь?

— Охраняютъ наше имѣніе,—отвѣтилъ онъ обыкновеннымъ голосомъ, словно ничего не случилось.

Я отошелъ въ сторону и присѣлъ въ саду на скамью. Противъ скамьи устроены были гимнастическія упражненія. Между деревьями въ саду мелькали то здѣсь, то тамъ сѣтчатыя гамаки. Благоустройство вездѣ образцовое. Постройки вездѣ чудесныя, крѣпкія, дорожки посыпаны желтымъ пескомъ, а противъ главнаго дома раскинулось великолѣпное дерево, къ которому прислонена была большая скамья. На скамѣ сидѣли нѣсколько мужиковъ. Очевидно, тоже ждали. Человѣкъ изъ братства о чемъ-то съ ними бесѣдовалъ... Время тянулось медленно. Проходили какія-то бабы съ ведрами, очевидно, подоивъ коровъ